

СПЕЦНАЗ
ИВАНА
ГРОЗНОГО

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ

КРОВЬ
НА ДОНУ

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 **Кровь на Дону / Александр Тамоников.** —
Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-109401-0

1569 год. Султан Османской империи и Крымский хан затевают поход на Астрахань, недавно завоеванную Иваном Грозным. Из Константинополя в турецкую крепость Азов приходят морские суда с янычарами и большим грузом боеприпасов. Дружина князя Дмитрия Савельева получает задание проникнуть в Азов и подорвать пороховые арсеналы врага. Но как это сделать, если город хорошо защищен? Савельев идет на хитрость и выманивает турецкий гарнизон за городской вал. У арсенала остается только небольшая стража — для опытных воинов князя это не преграда... Беда приходит откуда не ждали...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109401-0

© Тамоников А.А., 2020
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Солнце покатилося на запад, но стало еще жарче, а оттого и душнее из-за прошедшего накануне ночью летнего, сильного дождя. Камни старой южной крепости Кельберек на левом берегу Дона намокли и сейчас парили. Князь Савельев прошел от разрушенного дома по извилистым улочкам крепости к части уцелевшей стены, у земляного вала которого нес свои воды Дон. Из-за валуна к нему поднялся Уваров:

— Приветствую, князь!

— И я приветствую тебя, Истома! Что на Дону?

— Спокойно. Ни лодок, ни ладей, ни стругов. Волн нет, так, рябит вода местами да рыба крупная плещется, ловить ее тут некому.

— А когда-то ловили.

— Это так.

— Ты ведаешь, кто тебя сменит на трапезу утреннюю?

— Да пришлет кого-нибудь твой помощник Гордей Бессонов.

— Ну, лады, а что выше по течению, с северной стороны?

Кровь на Дону

— Там тоже тихо. В дубовой рощице, что в полуверсте от крепости, птицы порхают спокойно, никто их не тревожит.

— Понятно, ну, неси службу, ратник.

— А то как же, Дмитрий Владимирович, иначе не можно, чай, не на Москве и не на центральных родных землях. На чужбине.

— Давай!

Князь Савельев пошел к наблюдателю восточной стороны, касимовскому служивому татарину Рустаму Турану.

Тот доложил, что и в степи все спокойно. Было какое-то движение в большом овраге, но стихло.

— Что за движение? — насторожился Савельев.

— А кто его знает? Может, зверь?

— Какой здесь зверь, Рустам?

— Не ведаю, но гляжу за оврагом.

— Гляди лучше. Азов близко, а в нем османы. Могут и наведаться в Кельберек.

— Чего им тут делать? Своих забот в городе хватает.

— Что на уме у османов, мы знать не можем. Смотри внимательно!

— Смотрю, князь!

Воевода пошел к цитадели. Отошел саженой десять по узкой, прямой, изобилующей разбитым камнем улице, как вдруг услышал окрик Турана:

— Воевода?!

— Чего, Рустам? — спросил Савельев, вернувшись обратно.

— Присмотрелся к оврагу, особенно к кустам, что на вершине правого склона. Кто-то сидит там.

Князь посмотрел на овраг и перевел взгляд на татарина:

— И кто?

— Человек.

— Уверен?

— Да видел его. Как ты в обрат в крепость пошел, он наверх и вылез, показал морду бородатую.

— Бородатую?

— Ну да, потом укрылся, но не ушел. Укрылся так, что не видать, но ветки куста, где он показался, иногда колышутся, а ветру такого, чтобы ветвям шевелиться, нету, да и остальные кусты покойны, а еще птицы взлетели, да к дубняку ушли. Есть там человек, точно.

— Может, охотник или рыбак из Азова? — предположил Савельев.

— Охотиться тут не на кого, а рыбачить? От Азова пять верст идти, да еще не по реке, чтобы именно тут рыбачить без лодки? — покачал головой татарин.

— Да, глупо, — согласился князь. — Тогда что за человек?

— Мыслью, наблюдатель. А раз наблюдатель, то внизу еще люди, и их немало, до десятка где-то.

— Может, это те, кого мы ищем?

— А чего прячутся? — пожал плечами Туран.

— Смотрят, кто тут — мы или турки, прогнавшие нас.

— Показать им?

Кровь на Дону

— И как раз спугнешь, — улыбнулся Савельев. — Увидят, прости, татарина, подумают, засада, и уйдут. Нет, если и показываться, то мне.

Он встал во весь рост сбоку от остатка стены. Наблюдал от оврага не мог его не видеть. И он увидел. Зашевелился еще один куст, и на вершине также поднялся человек. Это был русский. Видно, он узнал Савельева, а может, ему хватило увидеть соплеменника. Как бы то ни было, он быстро пошел по полю к крепости.

— Смотри за ним и за оврагом, Рустам. Я встречу человека, — наказал ратнику князь.

— Был бы наш, а то уже седьмой день сидим тут, провизию понапрасну проедаем.

Но Савельев его не слушал. Он всматривался в лицо подходящего человека. Было в этом лице что-то знакомое, но куда не определить, знакомец или нет.

Человек приблизился сажень на пять до стены, остановился и спросил:

— Князь Савельев?

— Он самый, а ты кто?

— Не узнал? Мы встречались на Москве, правда, то было только один раз.

— Ответствуй на вопрос, — повысил голос воевода.

— Фрол Некрасов, помощник князя Петра Семеновича Серебряного.

— А с бородой-то что? Где половину потерял, что и узнать трудно?

— Так это в стане у Астрахани потешно с ногаем одним схлестнулся в бою кулачным, — рассмеялся ратник. — Я его разделал как следует, а он, басурман, неуступчивый оказался. Падая, вцепился зубами в бороду и клочок вырвал. Но ничего, новая отрастет борода.

— Ты с кем пришел?

— Так отряд в два десятка в овраге.

— Два десятка, говоришь? — Дмитрий бросил грозный взгляд на татарина, и тот потупился.

— Ты дозорного своего не вини, мы ночью, в дождь подошли, — вступился за него Некрасов. — И подходили по одному, боле ползком.

— Десятки так и будешь в овраге держать? — усмехнулся князь

— Нет, если дозволишь, в крепость заведу, людям отдых требуется, от самой Астрахани шли. А это двенадцать дней, семьсот верст с гаком.

— Тебе князь передал, что должно нам делать?

— Пошто передавать? Тут он.

— Как это тут? — удивился Савельев.

— Да в овраге, с ним и чин какой-то казацкий, оттого два десятка, один — охрана князя, другой — казацкого.

— Так чего ж ты сразу не сказал?

— Не дошло до того.

— Давай подавай сигнал, чтобы князь с десятками выходили к крепости.

— Угу! — кивнул Фрол, повернулся к оврагу и махнул дважды рукой.

Кровь на Дону

Из него начали выходить ратники, казаки, но осторожно, не всем скопом, а по двое, по трое. Впереди — именитый воевода Петр Семенович Серебряный-Оболенский, рядом с ним казак в дорогой одежде, а за их спинами — двое ратников.

— Беги, Рустам, в цитадель, — приказал служивому татарину Савельев, — передай Гордею, что сам князь Серебряный явился, скажи, сколько людей с ним. Пусть наши подготовят трапезу и место отдыха ратников, казаков, предупреди возчиков, дабы приняли коней прибывших.

— А как же?.. — начал было Туран, но Дмитрий не дал ему договорить:

— Бегом, туда-сюда!

— Сполняю!

Тут к воеводе подошли Серебряный и казацкий начальник.

— Доброго здравия, Петр Семенович, рад видеть тебя!

— Доброго здравия, Дмитрий Владимирович, и я рад видеть тебя! — ответил князь и указал на своего спутника: — Познакомься! Помощник атамана Михайло Тимофеевича Лунина, головы станицы Дугановка, что крепко стоит за царя нашего, Данилов Макар.

Поприветствовали друг друга и прошли внутрь крепости, где их уже ожидал Гордей Бессонов с сыном Власом и одним из возчиков малого обоза дружины, Алексеем Глуховым. Следом в крепость стали входить воины, ведя своих коней на поводу.

— Разместите людей, коней, напоите, накормите да отдых организуйте, — кивнул Савельев Бессонову и Глухову.

— Слушаюсь, воевода! — ответил Бессонов.

Он с сыном и возчиком, ставшим здесь конюхом, занялись распределением десятков. Крепость была большой, подвалы вместительные, места хватит всем. Даже кони паслись на северной стороне, где между валом с осколами стен и цитаделью возник целый луг, да и вода рядом, из реки.

Савельев провел князя и помощника атамана в свое укрытие. Это был отдельный подвал с перекрытиями. Внутри топчан, самодельные стол, лавки, рогожа, полога, накидки. На столе подскатерть. Пришедшие сели на лавки, вытянув вперед ноги.

— Замаялся, Дмитрий Владимирович, почитай, без остановок от Астрахани шли, — проговорил князь Серебряный. — Хорошо басурман не встретили, но и без них воины устали.

— Сколько времени у вас на отдых? — спросил воевода.

— Да день и ночь отдохнем, а завтра с утра в обрат двинемся, я — к Астрахани, Макар — в станицу. Ему легче, Дугановка всего в сорока верстах отсюда выше по Дону.

— И басурмане не тревожат вас, Макар, в такой-то близости от Азова? — глядя на помощника атамана, поинтересовался Дмитрий.

Кровь на Дону

— Как не тревожат, князь, вернее, пытаются, да только мало что получается у них. А в последнее время словно и забыли о соседях.

— То немудрено, — проговорил Серебряный, — сейчас у турок, ногаев, черкесов, крымчаков другая забота. А ты, Дмитрий Владимирович, дал бы воды студеной напиться!

— Прости, князь, что не предложил. Погоди немного.

Савельев вышел из своего убежища. И тут же столкнулся с Власом Бессоновым.

— Ты чего тут? Я же наказывал...

— Извиняй, воевода, отец молвил, он сам с десятками управится, меня же послал к тебе, мало ли что потребуется. И ведь потребовалось, так? — Влас улыбнулся на всю свою добродушную физиономию.

— Воды из колодца кувшин принеси. И чаши захвати.

— Что еще треба, князь?

— Покуда все.

— Понял, сделаю. А потом только кликни, рядом буду.

— Иди!

Влас убежал, вернулся с кувшином холодной воды и чашами, выставил все на стол, поглядел с интересом на Серебряного. Много о нем слышал на Москве. Известный воевода и вельможа.

Гости напились, поставили на стол чаши, и Серебряный расстегнул ворот рубахи:

— Ну а теперь и поговорить можно. Карта у тебя с собой, воевода?

— Она всегда со мной.

— Стели.

Дмитрий расстелил на столе карту.

— Значит, так, Дмитрий Владимирович, сидению твоему в старом Кельбереке подходит конец.

— И слава богу! Места себе от безделья не находим. По велению государя спешили сюда, как могли, а пришли — делов-то и нет.

— Будут дела. Поначалу доведу до тебя все, что касается предстоящих действий твоей доблестной особой дружины, так почитаемой царем.

Эти слова были приятны Савельеву, но князь сохранял серьезный, сосредоточенный вид.

— Слушаю, Петр Семенович.

— Иван Васильевич, насколько мне известно, довел до тебя происходящее в Великой Порте и Крыму.

— Да, перед выходом сюда довел.

— Ну, тогда я сосредоточусь на последних событиях. Кстати, подчиненная тебе дружина теперь опричный отряд?

— Нет. По крайней мере, пока.

— А пойдешь в опричники?

— Не думал об этом, Петр Семенович, хотя не вижу в установлении нового режима ничего плохого, — ответил воевода. — Этим государь идет по пути централизации власти. И потом, он всегда стоял на стороне народа, к боярам же относился с неприязнью. Не ко всем, конечно, но довольно к многим. И на это

Кровь на Дону

у него есть причины. Я видал изменников из среды вельмож, готовых ради собственной выгоды продать мать родную, и в то же время бился вместе с ратниками, что не жалели ни здоровья, ни жизни за Государство Русское. Разве не справедливо, что земли изменников изымаются и передаются тем, кто кровно заслужил награду государеву? Вдовам, сиротам воинов, отдавших жизнь за страну? Опять-таки не было бы никакой опричнины, если народ не поддерживал государя.

— Ты о так называемом отречении Ивана Васильевича? — вздохнул Серебряный.

— Ну почему так называемом? Государь в Александровской слободе в шестьдесят пятом году официально заявил об отречении от престола.

— Заявил, обвинив в этом изменников-бояр, что не дают единолично править.

— Про то не слыхал, но видел, как Москва тогда заволновалась, как простые люди, ремесленники, купцы бросали дела и шли к Кремлю, просить вернуть царя. И народ тогда кричал, что готов сам растерзать изменников. И как многотысячная толпа двинулась в Александровскую слободу. И только тогда, когда Иван Васильевич услышал, как просят люди не бросать их, он остался на троне и вернулся на Москву, введя опричнину. И еще. Ненависть Ивана Васильевича к боярам родилась у него с детства, когда опекуны всячески принижали его. Он помнит, как странной смертью почил отец его, великий князь Василий III, как отравили

мать его, царицу Елену Глинскую, и... как сгубили любимую жену его Анастасию, а до того малолетнего сына Дмитрия. Я сам участвовал в поиске вельможи, который устроил то убийство и который бежал за пределы государства. А также прознал от изменника лично, кто стоял за тем злодейством. И то, что государь не пощадил виновных, справедливо.

— Что ж, — произнес Серебряный, — ты ведаешь одно, я — немного другое.

— Мы можем ведать все по-разному, да так и должно быть, — воскликнул Савельев, — но обсуждать это в нынешних условиях не след!

— Вижу, как у государя множится число его преданных людей, — улыбнулся князь. — В опричнине власть крепнет. Григорий Скуратов скоро большим человеком станет, а после... — Он вдруг осекся и добавил: — Но достаточно. Давай к делу.

— Да, князь. Так оно лучше. Не для того же ты от Астрахани сюда добирался, чтобы об опричнине судить-рядить.

— Не для того. — Серебряный устроился удобнее, взглянул на казака. Тот изображал равнодушие к разговору князей. А может, на самом деле этот разговор был ему неинтересен. — Надежные люди в Бахчисарае передали, что Девлет-Гирей получил грамоту от султана Великой Порты Селима II. В ней мало из того, что не было бы известно нам ранее о замыслах османцев и крымчаков вернуть Астрахань. Ныне то же самое. Султан требует от хана по-